

Масштабы несоответствия образовательного уровня работников сельскому рынку труда

С. Д. Капелюк , Е. Н. Лищук

Сибирский университет потребительской кооперации,
г. Новосибирск, Россия
 skapelyuk@bk.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема несоответствия полученного образования и должности среди работников, проживающих в сельской местности. Цель статьи в оценке масштабов недоиспользования образовательного потенциала работников в сельской местности и выявлении наиболее распространенных должностей для работников, недостаточно использующих свой потенциал. Гипотеза исследования: на сельском рынке труда не в полной мере востребованы образовательные компетенции специалистов. В качестве информационной базы исследования использованы микроданные Обследования рабочей силы Росстата за 2012–2018 гг. Для выявления несоответствия применялась самооценка респондентами соответствия их работы полученной специальности. Для оценки недоиспользования образования нами предложен комбинированный подход, сочетающий самооценку респондентов и оценку формального соответствия между образованием и должностью на основе Общероссийского классификатора занятий. Анализ проведен по уровням образования: высшее и среднее профессиональное. В работе показано, что среди сельского населения продолжается рост доли занятых как с высшим, так и средним профессиональным образованием. Выявлено, что масштабы несоответствия образовательного уровня работников на селе намного значительнее по сравнению с городскими жителями. Для детализированного анализа авторами использованы данные о текущей должности респондентов. В результате установлено, что масштабы и вид несоответствия, а также занимаемая должность на текущий момент зависят от полученной специальности по диплому. Установлено недоиспользование образования у 65% сельских жителей, работающих не по профессии, но имеющих высшее образование; и у 74% – имеющих среднее профессиональное образование (вертикальное несоответствие). Наряду с этим у 77% квалифицированных рабочих в сельской местности отмечено горизонтальное несоответствие, при котором имеется отличие по специальности, требуемое для данной профессии. Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы при разработке государственной образовательной политики, в частности при определении перечня востребованных на сельском рынке труда профессий, а также при разработке программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для жителей сельской местности.

Ключевые слова: сельский рынок труда; занятость; трудоустройство; человеческий капитал; профессия; образовательно-профессиональное несоответствие; недостаточное образование; избыточное образование.

1. Актуальность исследования

Одной из важнейших тенденций начала XXI в. является стремительное повышение образовательного уровня

населения. Если в 1989 г. только 13,0% взрослого населения РСФСР имело высшее образование, то по микропереписи 2015 года уже 27,5% обладало дипло-

мом о высшем образовании. Не менее значительными темпами растет охват высшим образованием сельского населения – с 5,1 до 16,1 %¹.

Резкий рост образовательного уровня сельского населения ставит актуальные задачи перед всеми субъектами сельского рынка труда. Для определения приоритетов государственной поддержки социально-экономического развития села важно учитывать сдвиги в образовательной структуре населения; влияние изменения уровня образования на сельский рынок труда, динамику численности сельского населения. Перед исследователями встают вопросы: вызван ли рост популярности образования новыми требованиями, предъявляемыми рынком труда? Либо увеличение охвата высшим образованием вызвано потребностями самой молодежи? Являются ли востребованными специалисты с высшим образованием? Не ведет ли повышение образовательного уровня к увеличению миграционного оттока населения из сельской местности?

Традиционно в отечественной литературе дисбаланс на сельском рынке труда рассматривался с точки зрения нехватки квалифицированных работников [1–3]. Несмотря на стремительную образовательную экспансию нам известна только одна работа, в которой исследуется профессионально-образовательное несоответствие на сельском

¹ Показатели охвата высшим образованием лиц в возрасте 25 лет и старше рассчитаны нами на основе агрегированных данных переписи 1989 года и микропереписи 2015 года (Микроперепись населения 2015 // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 19.03.2020); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР и союзных республик по уровню образования и возрасту // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_edu_89.php?reg=2 (дата обращения: 19.03.2020)).

рынке труда России. В ней показано, что значительное число квалифицированных специалистов в сельской местности – более 30 % – занято на рабочих местах, требующих меньшего уровня квалификации [4]. Неисследованным остается вопрос, на какие рабочие места трудоустраиваются специалисты с неиспользованным образовательным потенциалом. Детальное изучение их сферы занятости позволит установить востребованность знаний и навыков, которые они приобрели при получении профессионального образования.

Цель статьи заключается в оценке масштабов недоиспользования образовательного потенциала работников в сельской местности и выявлении наиболее распространенных должностей для работников, не использующих свой потенциал.

Гипотеза исследования – на сельском рынке труда не в полной мере востребованы образовательные компетенции специалистов. Только часть из них трудоустраивается по специальности. Если соискатель испытывает сложности с трудоустройством по специальности, то в первую очередь он рассматривает вакансии, позволяющие реализовать полученные знания, умения и навыки, даже если работодателем заявлен к претенденту более низкий уровень образования.

2. Обзор литературы

Данная статья посвящена изучению феномена недоиспользования образования – одной из важнейших современных проблем в сфере труда и занятости. Следует отметить, что в литературе выделяют два типа образовательно-профессионального несоответствия: горизонтальное и вертикальное [5]. При горизонтальном несоответствии уровень образования работника соответствует занимаемой должности, но при

этом специальность полученного образования отличается от требуемой для данной профессии. При вертикальном несоответствии фактический уровень образования работника отличается от требуемого для занимаемой должности. Вертикальное несоответствие возникает при недостаточном или избыточном уровне образования. Примером недостаточного уровня образования является ситуация, когда специалист с дипломом о среднем профессиональном образовании работает главным бухгалтером в крупной корпорации. Пример избыточного: специалист с дипломом о высшем образовании работает продавцом. Именно последнее – избыточный уровень образования – мы рассматриваем в качестве недоиспользования образования.

Для определения недоиспользования образования применяют репрезентативные массивы данных (микроданные) по работникам, которые получены в результате выборочных обследований рабочей силы, либо обследований предприятий. Для определения наличия недоиспользования образования выделяют следующие подходы:

1) самооценка работниками соответствия между образованием и требований к образованию на занимаемой должности;

2) формальный анализ образования и должности работников (в том числе с использованием классификаторов профессий);

3) статистический анализ, основанный на определении среднего числа лет обучения для работников, занимающих каждую должность (предложен R. Verdugo и N. Verdugo [6]).

У каждого из подходов есть преимущества и недостатки. Как отмечает A. Chevalier, самооценка собственного соответствия или несоответствия представляет субъективную оценку

и исследователю нельзя полностью ей доверять [7]. По мнению J. Hartog, респонденты имеют склонность преувеличивать значимость своей должности, что приводит к завышению оценки требований для нее [8].

По мнению A. Chevalier, основным недостатком использования классификаторов профессий выступает то, что такой подход предполагает, что каждой должности соответствуют одинаковые требования к уровню образования на предприятиях любой отрасли и любого размера. В условиях стремительного технического прогресса и динамичных изменений внешней среды появляются новые профессии, которые не сразу включаются в классификаторы [7].

В качестве недостатка использования статистического анализа J. Hartog указывает то, что он основан не на технологических требованиях к должности, а на фактической ситуации с наймом, которая может быть искажена при наличии большого числа соискателей с избыточным образованием [8]. S. McGuinness с соавторами также критически оценивают данный подход и считают, что недоиспользованное образование определяется в большей степени по работникам, имеющим значительный стаж, в то время как технический прогресс меняет требования при найме [9]. Сопоставление различных подходов показывает, что при статистическом анализе масштабы недоиспользования образования намного ниже [10; 11].

Масштабы недоиспользования образования значительны во многих странах: Китай – 33,7 % [12]; США – 32,7 % [13]; 22 % [14]; 24,6 % [15]; Канада – 31 % [16]; Великобритания – 35 % [17]; Ирландия – 30 % [18]; Испания – 34 % [18]; Украина – 39,7 % [19]; Мексика – 29 % [20]; Япония – 27,1 % [21]; Тайвань – 45,8 % [11].

В работах, посвященных анализу масштабов недоиспользования в зависимости от специальности полученного образования, отмечалось, что эти различия весьма значительны. Так, в исследовании Е. Kelly и соавторов на данных Ирландии отмечено, что среди трудоустроенных выпускников вузов с гуманитарными специальностями доля устроившихся не по специальности составляет 46 %, а доля имеющих избыточный уровень образования – 23 %, в то время как для выпускников медицинских специальностей аналогичные показатели равны и составляют всего 2 % [22].

В статье F. Green и S. McIntosh с использованием данных по Великобритании наиболее высокие показатели недоиспользования образования выявлены для лиц с дипломами в сфере управления, бизнеса и социальных наук, наиболее низкие – в сфере информационных технологий и естественных наук [23]. В статье A. Rossen и соавторов, анализирующих данные по 21 стране Евросоюза, более высокие показатели недоиспользования образования получены для специалистов с дипломами в сфере услуг и в области естественных наук, более низкие – для инженеров, специалистов в области педагогики, медицины, информационных технологий [24].

В статье J. Robst наиболее высокие показатели недоиспользования в США отмечены для работников с дипломами в сфере социальных наук, филологии и многопрофильных программ (Liberal Arts); наиболее низкие – у работников с дипломами в сфере информационных технологий, медицины и библиотечного дела [25]. В работе D. Carroll и M. Tanі показано, что наиболее высокий избыточный уровень образования в Австралии наблюдается среди выпускников с дипломами в сфере

естественных наук, социальных наук и искусств (Arts and Social Sciences); наиболее низкий – у выпускников с медицинским, педагогическим и техническим образованием [26].

Результаты, полученные A. Kucel и соавторов по Японии, радикально отличаются от европейских стран и США. Наиболее высокие показатели недоиспользования образования выявлены у выпускников с дипломами в сфере точных наук и инженерных специальностей (34–36 %). У выпускников гуманитарных специальностей доля недоиспользования значительно ниже – 22 %. Самые низкие показатели выявлены опять же в медицине, но доля недоиспользования у выпускников медицинских специальностей в Японии существенно выше – 14,4 % [21]. Чтобы определить причины выявленных закономерностей, в указанной статье проведен более детальный анализ детерминантов недоиспользования образования на основе эконометрической модели [21]. К сожалению, представленная в статье интерпретация результатов модели ошибочна. Утверждается, что различия между специальностями исчезают после добавления фиктивных переменных, отражающих принадлежность к профессиональной группе. Между тем единственный вывод, который можно сделать, – нет значимых различий в вероятности занять должность не из всех профессиональных групп, а только из профессиональной группы, выбранной в качестве базовой (опорной). В данной статье базовой категорией стали профессии, основанные на физическом труде.

В литературе отмечается, что показатели недоиспользования выше для лиц, окончивших образовательные программы, ориентированных на развитие общеобразовательных навыков, и ниже для тех, кто освоил программы, раз-

вивающие специализированные, практико-ориентированные навыки [25; 24]. В работе D. Verhaest и R. van der Velden представлены результаты социологического опроса, проведенного в 13 европейских странах и Японии. Низкие показатели недоиспользования образования отмечены у выпускников специальностей с более высокими средними показателями качества и специализации. При этом усредненные на уровне страны показатели частично объясняют межстрановые различия в недоиспользовании образования [27].

Феномен недоиспользования образования на сельском рынке труда исследован недостаточно. В зарубежных исследованиях наличие избыточного образования зачастую рассматривается как негативная тенденция, отражающая депривацию населения на сельском рынке труда. Например, J. Bernard считает недоиспользование образования одним из восьми индикаторов депривации при анализе качества жизни сельского населения в Чехии [28]. В то же время проведенный нами анализ литературы выявил, что не во всех странах уровень недоиспользования образования на селе выше. Например, не было выявлено статистически значимых различий между городом и селом в исследованиях в Швейцарии [29], Канаде [30]. В других исследованиях недоиспользование образования на сельском рынке труда рассматривается как депривация отдельных групп населения. Подобные исследования фокусируются на наиболее уязвимых группах, таких как замужние женщины [31] или коренное население Канады [30].

Исследователи российского рынка труда отмечают значительную долю работающих не по специальности. В статье В. Е. Гимпельсона и соавторов по микроданным Обследования населения по проблемам занятости Росстата

за 2006 г. выявлены значительные масштабы несоответствия между полученной специальностью по диплому и текущим местом работы, а также массовое недоиспользование образования. Несоответствие определялось на основе сопоставления данных о полученной профессии, закодированной в соответствии с Общероссийским классификатором специальностей, и должности по месту работы, закодированной по Общероссийскому классификатору занятий. Среди обладателей высшего образования на работе, не требующей данного уровня образования, трудоустроено 25 %, а непосредственно по специальности работает от 1/3 до 1/2 (в зависимости от того, как определять соответствие работы специальности). Еще большее несоответствие выявлено для обладателей дипломов о среднем профессиональном образовании: недоиспользование отмечено у 50 %, оценка доли работающих по специальности варьируется от 18 до 30 %. Наибольшая доля работающих по специальности отмечена у представителей медицинских профессий. Избыточное образование распространено среди лиц с высшим образованием у специалистов в сфере сельского хозяйства и биологии; среди лиц со средним профессиональным образованием – у техников физических и инженерных профессий, специалистов в области естественных наук [32].

В другом исследовании на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья (РМЭЗ) НИУ ВШЭ за 2008 г. проанализирована самооценка работниками соответствия образования и выполняемой работы. Выявлено, что у 25 % российских работников – избыточное образование, у 10 % – недостаточное [33].

В работе Р. Капелюшникова на основе данных Обследования

населения по проблемам занятости за 1999 и 2008 гг. дана оценка недоиспользования образования в динамике. Недоиспользование образования оценивалось с использованием Общероссийского классификатора занятий на основе двух индикаторов. Первый индикатор представлял собой долю лиц с высшим и средним профессиональным образованием, занятых на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. Второй индикатор рассчитан только для лиц с высшим образованием. Значение первого индикатора составило 43,2 % в 1999 г. и 31,5 % в 2008-м, второго – 17,8 % в 1999-м и 14,3 % в 2008-м. В работе даны осторожные оценки недоиспользования образования за более ранние годы, из которых следует, что недоиспользование образование существовало в поздний советский период и значительно возросло при переходе к рыночной экономике. Исходя из полученных результатов, сделан вывод о сокращении масштабов недоиспользования образования в 2000-е гг. [34].

В статье Н. Е. Кюи, выполненной на данных РМЭЗ за 2005 г., с использованием международного классификатора профессий ISCO показаны еще большие масштабы недоиспользования образования: 44,6 % у лиц с высшим образованием и 69,9 % у лиц со средним профессиональным образованием [35]. В статье М. Vasiakina и S. Robone, использующей данные РМЭЗ за 2010–2014 гг. и классификатор ISCO, также показаны значительные масштабы несоответствия. В то же время, согласно представленным результатам, горизонтальное несоответствие более распространено, чем вертикальное, а избыточное образование выявлено только у 15,4 % женщин и 19,6 % мужчин [36]. Значительное более низкие оценки объясняются тем, что в отличие от ра-

боты Н. Е. Кюи в рассматриваемой работе вертикальное несоответствие оценивалось с помощью статистического анализа (по методике R. Verdugo и N. Verdugo) [6].

По расчетам Е. Я. Варшавской, выполненных по данным Обследования населения по проблемам занятости за 2014 г., уровень недоиспользования образования среди работников с высшим образованием составил 26,6 %. При этом наиболее низкий уровень отмечен среди лиц с медицинскими специальностями – 14,7 %, наиболее высокий – среди лиц с дипломами аграрных и инженерных специальностей – 62,0 и 52,6 % [37]. По оценкам Е. Я. Варшавской и Е. С. Котырло, рассчитанным по данным организованного Росстатом Федерального наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, за 2010–2015 гг. уровень недоиспользования образования среди выпускников с высшим инженерно-техническим образованием составил 42,6 %, высшим экономическим – 40,3 % [38]. В этой работе отмечается высокая доля выпускников-инженеров, работающих на должностях, соответствующих профессии, но не требующих высшего образования. Авторы предлагают два объяснения: начало карьерного пути с низших позиций на крупных промышленных предприятиях и внедрение современных технологий, требующих наличие профессиональных знаний на позициях, формально относящихся к квалифицированным рабочим [38].

В исследовании Т. Ю. Стукен, выполненном на данных Обследования рабочей силы за 2010–2015 гг., выборка ограничена выпускниками высших учебных заведений Сибирского федерального округа. В этой группе недоиспользование образование выяв-

лено у более чем 40% респондентов, наиболее высокие показатели также отмечены у выпускников сельскохозяйственных программ, наиболее низкие – у выпускников медицинских программ [39].

Заметим, что еще в 1990-е гг. исследователями отмечался нарастающий дисбаланс между ростом уровня образования сельской молодежи и структурой спроса на труд в России. По мнению Ю. В. Акатьева и И. А. Лысак, это уже тогда являлось основной причиной оттока из села наиболее образованной части молодого населения [40]. В работе Е. Я. Варшавской, по данным Обследования населения по проблемам занятости за 2015 г., показано, что доля специалистов, работающих не по специальности полученного образования на селе, весьма значительна, составляя 32,7% у специалистов с высшим образованием и 35,7% у специалистов со средним профессиональным образованием (для города аналогичные показатели составили 24,8 и 29,2%, соответственно). Наиболее высокие показатели недоиспользования выявлены у сельских работников с аграрным (43,6% у высшего и 57,5% у среднего профессионального образования), техническим (39,1 и 56,5%) и социально-гуманитарным образованием (39,2 и 23,8%), самые низкие – у работников с медицинским образованием (11,6 и 9,1%) [4].

3. Методология исследования

3.1. Информационная база исследования

Информационной базой исследования выступают данные Обследования рабочей силы Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Это выборочное обследование населения, которое проводится Росстатом ежемесячно во всех регионах России. До 2017 г. методика обследования бы-

ла установлена Приказом Росстата от 21.12.2010 № 452, с июля 2017 г. – Приказом Росстата от 30.06.2017 № 445.

С 2017 г. обследование охватывает лиц в возрасте от 15 лет и старше (до 2017 г. возраст был ограничен диапазоном от 15 до 72 лет). Ежемесячная выборка составляет 77 тыс. чел. Обследование является репрезентативным как на общероссийском уровне, так и на уровне отдельных регионов. В частности, по уровню безработицы относительная стандартная ошибка выборки равна 1% по России в целом и 4–6% – на уровне региона².

Итоги обследования Росстат публикует в специальном бюллетене, а также использует как основу для расчета основных статистических показателей в сфере труда и занятости. В исследовании мы используем неагрегированные данные, а именно микроданные, представляющие базу с ответами на вопросы анкеты каждого респондента в отдельности. Микроданные размещены на официальном сайте Росстата в открытом доступе³. В целях расширения объема выборки, повышения репрезентативности и устранения фактора сезонности использованы ежегодные данные.

3.2. Методический подход

В нашей работе несоответствие образования занимаемой должности определяется исходя из самооценки респондента, на основе ответов на вопрос: «Связана ли Ваша работа с профессией (специальностью), полученной в об-

² Приказ Росстата от 30.06.2017 № 445 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы».

³ Микроданные выборочного обследования рабочей силы в 2017–2018 гг. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/bd_ors/bd_ors2017-2018.sav (дата обращения: 21.04.2020).

разовательной организации?» Ответы «скорее нет» и «нет» мы фиксировали как несоответствие, ответы «скорее да» и «да» – как соответствие. Для оценки несоответствия образования мы учитываем только основное место работы.

Для определения типа выявленного несоответствия (горизонтальный или вертикальный) мы дополнительно привлекаем данные о специальности полученного образования, а также данные о должности по основному месту работы, закодированные на основе Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ). Таким образом, применяемый нами подход к оценке недоиспользования образования является комбинированным, сочетающим субъективный подход – самооценку респондента – и объективный, учитывающий формальное соответствие между образованием и занимаемой должностью.

Преимущества нашего подхода заключаются в следующем:

1) возможность классификации выделенных несоответствий, позволяющей разделить их на горизонтальные и вертикальные, а внутри вертикальных выделить избыточный и недостаточный уровень образования;

2) принятие во внимание мнения самого работника, что позволяет преодолеть возможные несовершенства классификатора в условиях трансформации и цифровизации профессий.

В микроданных обследования рабочей силы виды занятий детализированы вплоть до 2-го уровня, что дает возможность в полной мере реализовать задачи исследования. На 1-м уровне детализации выделены десять укрупненных видов занятий: руководители, специалисты высшего уровня квалификации, специалисты среднего уровня квалификации и т. п. Детализацию 1-го уровня мы используем для определения вертикального несоответствия. В частности,

к недоиспользованию образования мы относим ситуацию, когда специалист с высшим образованием занимает должность, которая по Общероссийскому классификатору занятий требует меньшего уровня квалификации, т. е. отнесена ко всем группам, кроме первой (руководителей) и второй (специалистов высшего уровня квалификации). Для специалистов среднего звена (третья группа) недоиспользованием образования мы считаем должности, отнесенные с пятой по девятую группу классификатора. Для квалифицированных рабочих недоиспользованием образования мы считаем только последнюю, девятую группу классификатора.

Девятая группа (неквалифицированные рабочие) является наименее престижной и оплачиваемой из всех представленных групп. В связи с тем, что мотивы выбора должности из этой группы могут существенно отличаться от групп, стоящих выше в иерархии классификатора, мы отдельно выделяем «экстремальное» недоиспользование образования, что является новым в литературе. Заметим, что термин «extreme overeducation» ранее был использован в работе J. Herrera и S. Merceron. В то же время в их работе экстремальное недоиспользование образования определялось принципиально по-другому: как значительное расхождение между фактическим числом лет обучения и числом лет обучения, требуемым для занимаемой должности [41]. К нему мы относим случаи, когда работник, имеющий профессиональное образование, занят на должности, отнесенной к неквалифицированным рабочим. Таким образом, у квалифицированных рабочих недоиспользование образования и экстремальное недоиспользование образования совпадают.

На основе детализации 2-го уровня мы определяем горизонтальное несоот-

ветствие. Примером может быть специалист с высшим образованием в сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства, работающий на должности, которая отнесена к специалистам в сфере бизнеса и администрирования (высшего уровня квалификации).

4. Результаты

По нашим расчетам на основе микроданных Обследования рабочей силы за 2018 г., всего лишь 36% работающих респондентов из сельской местности ответили утвердительно на вопрос: «Связана ли Ваша работа с профессией (специальностью), полученной в об-

разовательной организации?» (рис. 1). Еще 10% выбрали ответ «скорее да», 6% – «скорее нет» и 48% уверены в отсутствии такой связи. Таким образом, более половины работающих в сельской местности (включая тех, кто ответил «скорее нет») работают не по специальности.

При дальнейшем анализе мы объединили вместе тех, кто ответил «нет» и «скорее нет». На рис. 2 представлена динамика масштабов несоответствия образования для городских и сельских работников в 2012–2018 гг.

В сельской местности, по сравнению с городом, существенно выше до-

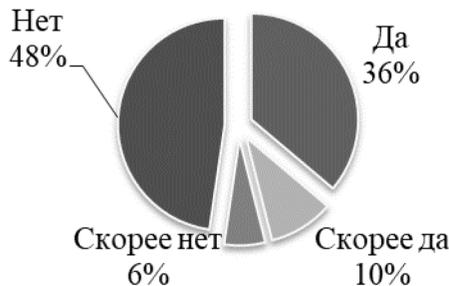

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о соответствии работы полученной профессии среди работников, проживающих в сельской местности в 2018 г.

Fig. 1. Distribution of answers to the question on the job-occupation match among rural employees in 2018

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы Росстата, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (*vesa_ob*).

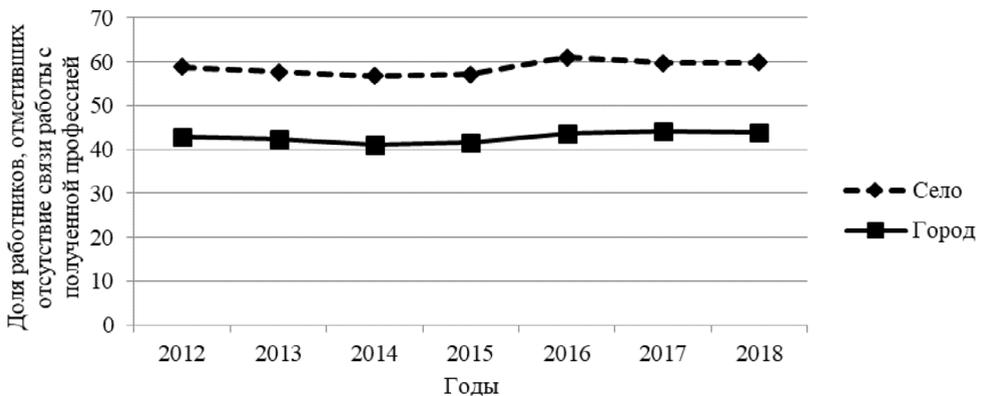

Рис. 2. Динамика масштабов несоответствия образования в 2012–2018 гг.

Fig. 2. Dynamics of the scale of educational mismatch in 2012–2018

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы Росстата, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (*vesa_ob*).

ля работников, у которых работа не соответствует полученной специальности. Величина данного разрыва практически не менялась на протяжении анализируемого периода, составляя около 15 п. п.

В табл. 1 представлена доля работников, которые отметили несоответствие между работой и полученной профессией, в разрезе уровней образования в 2012 г. (на начало анализируемого периода). Для сопоставления мы привели данные по удельному весу работников с различным уровнем образования среди занятых в городской и сельской местности.

Существенные, статистически значимые различия между городом и селом наблюдаются по всем уровням образования. Наиболее значительны они для работников с послевузовским и начальным профессиональным образованием.

В табл. 2 представлены результаты аналогичных расчетов, выполненных по данным за 2018 г. Очевидны

изменения в классификации уровней образования, вызванные образовательными реформами последнего десятилетия. В отдельные группы выделены выпускники бакалавриата и лица, окончившие специалитет или магистратуру. Начальному профессиональному образованию теперь соответствует среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих. Послевузовскому профессиональному – подготовка кадров высшей квалификации.

По результатам анализа сделан вывод, что с 2012 по 2018 г. произошло увеличение разницы в масштабах несоответствия образования между городом и селом для работников со средним профессиональным образованием с 7,4 до 9,5 п. п. В анализируемом периоде сокращен разрыв для работников с послевузовским образованием с 18,1 до 5,9 п. п.

Для иллюстрации различий в динамике между городом и селом мы построили квадранты тенденций за-

Таблица 1. Доля работников, которые отметили несоответствие работы полученной профессии в 2012 г.

Table 1. The share of employees with the job-occupation mismatch in 2012

Уровень образования	Доля работников в общей численности занятых, %		Доля работников, отметивших несоответствие работы полученной профессии, %			Значимость различий
	Город	Село	Город	Село	Разница между селом и городом, п. п.	
Послевузовское	0,2	0,1	11,5	29,6	18,1	0,000
Высшее профессиональное	34,1	17,3	27,6	33,7	6,1	0,000
Среднее профессиональное	26,8	24,3	39,6	47,0	7,4	0,000
Начальное профессиональное	19,3	20,2	41,8	53,0	11,2	0,000

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы Росстата, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (*vesa_ob*), значимость различий определена на основе критерия хи-квадрат.

Таблица 2. Доля работников, которые отметили несоответствие работы полученной профессии в 2018 г.

Table 2. The share of employees with the job-occupation mismatch in 2018

Уровень образования	Доля работников в общей численности занятых, %		Доля работников, отметивших несоответствие работы полученной профессии, %			Значимость различий
	Город	Село	Город	Село	Разница между селом и городом, п. п.	
Высшее (подготовка кадров высшей квалификации)	0,5	0,2	10,0	15,9	5,9	0,000
Высшее (специалитет, магистратура)	34,0	18,6	27,1	33,3	6,2	0,000
Высшее (бакалавриат)	3,3	2,8	33,2	37,9	4,7	0,000
Среднее профессиональное (по программам подготовки специалистов среднего звена)	25,9	24,5	38,7	48,2	9,5	0,000
Среднее профессиональное (по программам подготовки квалифицированных рабочих)	18,8	21,7	41,6	52,4	10,8	0,000

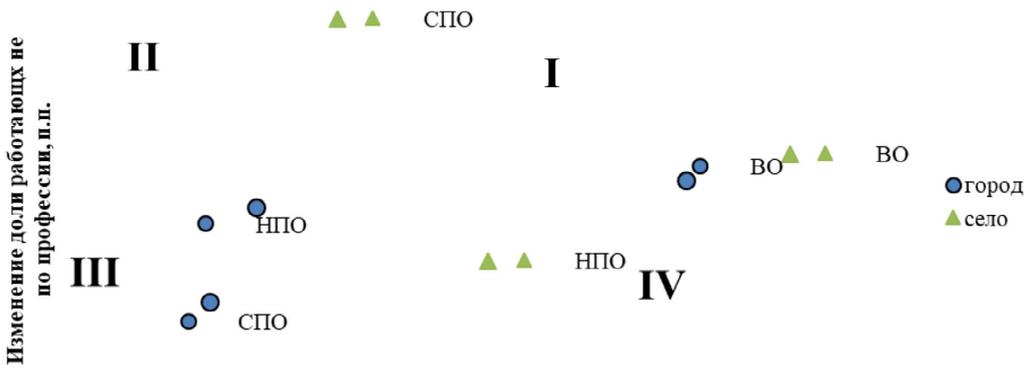
Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы Росстата, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (vesa_ob), значимость различий определена на основе критерия хи-квадрат.

нятости (рис. 3). При их построении не учитывалось высшее образование по программам подготовки кадров высшей квалификации. Следует отметить, что выпускники бакалавриата, специалитета и магистратуры объединены в одну категорию – специалисты с высшим образованием. В первый квадрант вошли образовательные категории, для которых отмечены как рост удельного веса в численности занятых, так и рост масштабов недоиспользования образования. Во второй – категории, для которых характерно снижение удельного веса при росте масштабов недоиспользования. В третий квадрант – категории, в которых оба показателя снизились. В четвертый – категории, в которых

произошел рост численности занятых при снижении масштабов недоиспользования образования.

Очевидно увеличение в сельской местности доли занятых с высшим образованием, средним и начальным профессиональным образованием. В то же время в городской местности рост доли специалистов с высшим образованием сопровождался снижением доли специалистов с начальным и средним профессиональным образованием.

Таким образом, городскому рынку труда удастся поглощать возрастающее предложение специалистов с высшим образованием. Об этом свидетельствует соответствующая точка на границе первого и четвертого

Изменение удельного веса в численности занятых, п.п.

Рис. 3. Квадранты тенденций занятости представителей различных образовательных категорий

Fig. 3. Quadrants of employment trends for employees with different levels of education

Примечание: составлено авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы Росстата, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (*vesa_ob*).

квадрантов. В то же время в сельской местности наблюдается переизбыток специалистов с высшим и средним профессиональным образованием. Данные специалисты вошли в первый квадрант. Квалифицированные рабочие оказались в четвертом квадранте. Таким образом при росте их доли в общей численности занятых наблюдается снижение недоиспользования образования.

Проведем анализ наиболее распространенных специальностей среди сельских жителей, работающих не по профессии. Результаты представим по уровням образования (табл. 3).

Наиболее распространенной специальностью среди сельских жителей с высшим образованием, работающих не по профессии, является экономика и управление (26,4%). Распространенными специальностями также являются юридические (10,9%), педагогические (13,7%) и сельскохозяйственные (8%). Менее 5% составляют машиностроение, техника и технологии строительства, ветеринария и зоотехния.

Мы провели анализ текущих мест работы лиц, указавших несоответствие,

для выявления того, в какой степени оно обусловлено недоиспользованием образования. Для этого нами использована группировка видов занятий в соответствии с Общероссийским классификатором занятий. Результаты данного анализа для лиц с высшим образованием представлены в табл. 4. Выявлено, что только около 1/3 всех случаев несоответствия не предполагают недоиспользование образования. К ним относится работа на руководящих должностях либо работа, требующая наличия высшего образования, но по другой специальности, чаще всего в сфере деятельности, имеющей близкое к ней отношение. Так, 12,6% специалистов с дипломом экономиста или менеджера, указавших несоответствие, работают специалистами высшего уровня квалификации в сфере бизнеса и администрирования.

В большинстве случаев для специалистов с высшим образованием несоответствие профессии специальности предполагает недоиспользование образования. При этом лишь изредка избыток образования вызван тем, что для данной должности требуется специ-

Таблица 3. Наиболее распространенные специальности среди сельских жителей, работающих не по профессии, в 2018 году, %

Table 3. The most common fields of study among rural employees with job-occupation mismatch in 2018, in percents

Специальность	Высшее образование – бакалавриат, специалитет, магистратура	Среднее профессиональное образование	
		по программам подготовки специалистов среднего звена	по программам подготовки квалифицированных рабочих
Экономика и управление	26,4	22,4	5,5
Образование и педагогические науки	13,7	6,7	0,0
Юриспруденция	10,9	3,5	0,0
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	8,0	11,8	17,2
Машиностроение	4,7	3,3	14,8
Техника и технологии строительства	3,3	5,5	9,4
Ветеринария и зоотехния	2,9	5,0	0,6
Техника и технологии наземного транспорта	1,9	9,2	17,7
Промышленная экология и биотехнологии	1,3	4,5	12,6
Электро- и теплоэнергетика	1,9	3,6	2,4
Технологии легкой промышленности	0,3	2,1	9,4
Прочие	24,7	22,4	10,4

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы Росстата, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (vesa_ob).

алист со средним уровнем квалификации. По данным табл. 4 наблюдается достаточно серьезное «понижение» в должности по сравнению с имеющимся образованием. Например, лица с высшим экономическим и управленческим образованием часто работают на селе продавцами (14,6% всех случаев несоответствия для данной профессии); с высшим педагогическим образованием – сельскохозяйственными рабочими (11,9%); с высшим юридическим

образованием – охранниками (11,4%); с высшим сельскохозяйственным – операторами и водителями (11,9%).

С другой стороны, экстремальное недоиспользование образование у лиц с высшим образованием на сельском рынке труда встречается редко. Оно выявлено только у 3,9% специалистов с дипломом в сфере экономики и управления, указавших несоответствие. Среди специалистов с аграрным образованием распространенность экс-

Таблица 4. **Наиболее распространенные виды занятий сельских жителей, работающих не по профессии, в 2018 г.** (высшее образование – бакалавриат, специалитет, магистратура)

Table 4. **The most common occupations of rural employees with job-occupation mismatch in 2018** (higher education: bachelor's degree, specialist degree, master's degree)

Виды занятий	Специальность полученного образования			
	«Экономика и управление»	«Образование и педагогические науки»	«Юриспруденция»	«Сельское, лесное и рыбное хозяйство»
Недоиспользование образования не выявлено				
Руководители	11,1	16,6	15,0	14,6
Специалисты высшего уровня квалификации	21,9	23,7	18,7	22,2
в т. ч. специалисты в области образования	3,1	7,8	2,4	3,2
специалисты в сфере бизнеса и администрирования	12,6	8,7	11,6	9,4
<i>Итого</i>	<i>33,0</i>	<i>40,3</i>	<i>33,7</i>	<i>36,8</i>
Выявлено недоиспользование образования				
Специалисты среднего уровня квалификации	12,3	9,1	9,6	7,9
– в т. ч. средний специальный персонал по экономической и административной деятельности	7,9	5,1	5,4	3,8
Служащие	8,8	5,0	5,5	3,5
Работники сферы обслуживания	22,3	16,0	24,4	15,4
– в т. ч. продавцы	14,6	8,8	11,2	4,7
– работники служб, осуществляющих охрану граждан и собственности	4,8	4,4	11,4	9,6
Квалифицированные работники сельского хозяйства	7,0	11,9	6,3	8,8
– в т. ч. производящие продукцию для личного потребления	4,6	9,0	4,7	5,5
Квалифицированные рабочие	5,7	6,1	6,3	9,0
Операторы и водители	6,9	5,7	9,9	11,9
– в т. ч. водители и операторы подвижного оборудования	4,5	3,6	8,0	9,1

Окончание табл. 4

End of table 4

Виды занятий	Специальность полученного образования			
	«Экономика и управление»	«Образование и педагогические науки»	«Юриспруденция»	«Сельское, лесное и рыбное хозяйство»
Неквалифицированные рабочие	3,9	5,8	4,3	6,7
Итого: недоиспользование образования	67,0	59,7	66,3	63,2
экстремальное недоиспользование образования	3,9	5,8	4,3	6,7

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (vesa_ob).

тремального недоиспользования образования выше, но все равно невелика – 6,7 %. У остальных специалистов с высшим образованием значение данного показателя незначительно.

В табл. 5 представлены аналогичные результаты для лиц, имеющих диплом среднего профессионального образования по программам подготовки специалистов среднего звена. Мы не считали недоиспользованием образования, если данные специалисты занимали должность руководителя, специалиста высшего или среднего уровня квалификации, служащего, поскольку в отдельных профессиональных стандартах на должности служащих минимальным требованием к образованию выступает наличие среднего профессионального образования⁴. Тем не менее масштабы недоиспользования образования оказались более значительны, чем для специалистов с высшим образованием. По специальностям «Сельское хозяй-

ство», «Технологии наземного транспорта» доля случаев недоиспользования образования составила около 80 %.

В сельской местности распространено, что специалисты со средним профессиональным образованием по экономике и управлению часто работают продавцами (21,6 % всех случаев несоответствия); по технике и технологии наземного транспорта, а также сельскому, лесному и рыбному хозяйству – операторами и водителями (24,8 и 23 %, соответственно); по педагогике – сельскохозяйственными рабочими (13,7 %). По сравнению со специалистами с высшим образованием, данные специалисты намного чаще работают неквалифицированными рабочими. При этом распространенность экстремального недоиспользования почти одинакова для всех рассмотренных специальностей, варьируя от 13 % для специалистов в области экономики и управления до 14,4 % для специалистов в сфере сельского хозяйства.

Любопытным феноменом является то, что специалисты со средним профессиональным образованием занимают должности, требующие более высокого уровня образования. Таких

⁴ Например, в профессиональном стандарте № 558 «Специалист в сфере закупок» (утвержден Приказом Минтруда РФ от 10.09.2015 № 625) указано три должности служащих, для которых в перечне требований к образованию указано среднее профессиональное образование.

Таблица 5. Наиболее распространенные виды занятий сельских жителей, работающих не по профессии, в разрезе специальностей в 2018 г. (среднее профессиональное образование – по программам подготовки специалистов среднего звена)

Table 5. The most common occupations of rural employees with job-occupation mismatch in 2018 (secondary vocational education: specialists)

Виды занятий	Специальность полученного образования			
	«Экономика и управление»	«Сельское, лесное и рыбное хозяйство»	«Техника и технологии наземного транспорта»	«Образование и педагогические науки»
Недоиспользование образования не выявлено				
Руководители	5,4	5,4	4,9	6,6
Специалисты высшего уровня квалификации	5,8	3,5	1,8	8,2
Специалисты среднего уровня квалификации	11,9	8,5	10,8	11,6
– в т. ч. специалисты-техники в области науки и техники	1,9	4,3	8,1	1,5
– средний специальный персонал по экономической и административной деятельности	5,6	2,5	2,0	3,8
– средний специальный персонал в области социальной, правовой работы, культуры, обучения, спорта	4,0	1,6	0,5	5,7
Служащие	8,8	3,1	1,5	7,1
<i>Итого</i>	<i>31,9</i>	<i>20,5</i>	<i>19,0</i>	<i>33,5</i>
Выявлено недоиспользование образования				
Работники сферы обслуживания	32,6	18,9	16,3	25,0
– в т. ч. продавцы	21,6	6,4	3,1	13,5
– работники служб, осуществляющих охрану граждан и собственности	2,8	10,7	12,1	3,6
Квалифицированные работники сельского хозяйства	10,6	10,4	9,0	13,7
– в т. ч. производящие продукцию для личного потребления	6,7	6,1	4,7	9,5
Квалифицированные рабочие	5,2	12,7	16,8	6,2
– занятые в строительстве	1,5	4,8	6,3	1,0
– занятые в машиностроительном и металлообрабатывающем производстве, механики, ремонтники	0,8	4,0	6,8	1,3

Окончание табл. 5

End of table 5

Виды занятий	Специальность полученного образования			
	«Экономика и управление»	«Сельское, лесное и рыбное хозяйство»	«Техника и технологии наземного транспорта»	«Образование и педагогические науки»
Операторы и водители	6,7	23,0	24,8	8,4
– в т. ч. водители и операторы подвижного оборудования	2,7	17,7	19,7	4,4
Неквалифицированные рабочие	13,0	14,4	14,0	13,1
– в т. ч. работники по сбору мусора	4,5	6,6	6,8	5,3
Итого: недоиспользование образования	68,1	79,5	81,0	66,5
экстремальное недоиспользование образования	13,0	14,4	14,0	13,1

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Исследования рабочей силы, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (vesa_ob).

случаев относительно немного: от 1,8% для специалистов с дипломом по технике и технологии наземного транспорта до 8,2% для специалистов с дипломом по педагогике. Мы полагаем, что такие случаи также заслуживают внимания. Проведенный нами выборочный анализ вакансий на должность бухгалтера, размещенных на портале «Работа в России» работодателями сельской местности, является тому подтверждением. В ходе исследования установлено, что некоторые из них указывают в требованиях на должность бухгалтера наличие среднего профессионального образования. Вместе с тем к соискателю предъявляются должностные обязанности, которые соответствуют более высокому уровню образования. Согласно профессиональному стандарту, такая ситуация является допустимой, если у соискателя есть достаточный стаж работы в профессиональной деятельности. Однако при приеме на должность соискателя с недостаточным уровнем обра-

зования работодатели несут определенные кадровые риски [42].

В табл. 6 представлены результаты для лиц, имеющих диплом среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих (ранее – начальное профессиональное образование). К недоиспользованию отнесены ситуации, когда они работают неквалифицированными рабочими. Данные табл. 6 имеют яркий контраст с данными табл. 4 и 5, поскольку для работников с данным уровнем образования наиболее характерно горизонтальное несоответствие, т. е. они часто трудоустраиваются на рабочие места, требующие определенной квалификации, но далеко от имеющейся у них профессии. При этом доля неквалифицированных рабочих среди всех работников, для которых мы выявили недоиспользование, составляет около 20%. Это выше, чем для специалистов с высшим или средним профессиональным образованием. Наиболее

Таблица 6. Наиболее распространенные виды занятий сельских жителей, работающих не по профессии, в разрезе специальностей в 2018 г. (среднее профессиональное образование – по программам подготовки квалифицированных рабочих)

Table 6. The most common occupations of rural employees with job-occupation mismatch in 2018 (secondary vocational education: qualified workers)

Виды занятий	Специальность полученного образования			
	«Техника и технологии наземного транспорта»	«Сельское, лесное и рыбное хозяйство»	«Машиностроение»	«Промышленная экология и биотехнологии»
Недоиспользование образования не выявлено				
Руководители	3,2	2,1	2,2	2,4
Специалисты высшего уровня квалификации	0,5	0,5	0,5	1,5
Специалисты среднего уровня квалификации	6,0	4,4	4,4	6,3
Служащие	1,1	1,1	1,6	5,2
Работники сферы обслуживания	14,6	13,6	15,1	28,9
– в т. ч. продавцы	2,0	2,7	3,2	18,0
– работники, оказывающие услуги по индивидуальному уходу	0,2	1,0	0,6	5,1
– работники служб, осуществляющих охрану граждан и собственности	11,5	8,9	10,7	2,2
Квалифицированные работники сельского хозяйства	11,6	13,0	8,5	13,4
– в т. ч. производящие товарную продукцию	3,5	4,2	3,5	6,4
– производящие продукцию для личного потребления	6,6	7,2	3,5	6,8
Квалифицированные рабочие	21,2	21,2	22,0	8,3
– занятые в строительстве	9,0	8,1	8,9	2,0
– занятые в машиностроительном и металлообрабатывающем производстве, механики, ремонтники	6,6	7,1	8,2	2,0
Операторы и водители	20,9	18,9	27,2	8,9
– в т. ч. операторы промышленных установок и стационарного оборудования	5,6	6,9	6,5	5,9
– водители и операторы подвижного оборудования	14,8	11,7	20,3	2,7

Окончание табл. 6

End of table 6

Виды занятий	Специальность полученного образования			
	«Техника и технологии наземного транспорта»	«Сельское, лесное и рыбное хозяйство»	«Машиностроение»	«Промышленная экология и биотехнологии»
<i>Итого</i>	79,0	74,7	81,5	74,8

Выявлено недоиспользование образования

Неквалифицированные рабочие	21,0	25,3	18,5	25,2
– в т. ч. занятые в промышленности	6,1	4,6	5,0	3,9
– уборщики и прислуга	1,0	1,4	0,8	9,2
– работники по сбору мусора	11,1	14,1	9,4	9,0
<i>Итого: недоиспользование образования</i>	21,0	25,3	18,5	25,2
<i>экстремальное недоиспользование образования</i>	21,0	25,3	18,5	25,2

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (vesa_ob).

характерно недоиспользование образования для рабочих со специальностью в сфере сельского хозяйства (25,3%) и промышленной экологии и биотехнологии (25,2%).

Отмечены ситуации, когда работники с данным уровнем образования устраиваются на рабочие места, требующие более высокий уровень образования (около 10%). Наиболее распространены такие ситуации для рабочих со специальностью в сфере промышленной экологии и биотехнологии (15,4%), наименее – со специальностью в сфере сельского хозяйства (8,1%) и машиностроения (8,7%).

Горизонтальное несоответствие в разрезе специальностей имеет следующие закономерности. Рабочие со специальностью в сфере промышленной экологии и биотехнологии чаще работают продавцами (18,0%), в сфере машиностроения и сельского хозяйства – операторами и водителями (27,2

и 18,9%, соответственно), в сфере техники и технологии наземного транспорта – охранниками (11,5%).

На основе проведенного анализа мы оценили масштабы недоиспользования образования. В табл. 7 приведена оценка показателей в процентах от численности всех сельских работников.

Наибольшая доля работников с избыточным образованием отмечена для специалистов, получивших среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена (35,5%); наименьшая – для квалифицированных рабочих (12,2%).

Аналогичные расчеты для работников с экстремальным недоиспользованием образования представлены в табл. 8. Экстремальное недоиспользование образования наиболее характерно для квалифицированных рабочих.

В различных исследованиях показано, что рост образовательного уровня

Таблица 7. Масштабы несоответствия между работой и полученной профессией среди сельских жителей в 2018 г., %

Table 7. The scale of the job-occupation mismatch among rural employees in 2018, in percents

Уровень образования	Доля работников, отметивших несоответствие работы полученной профессии	Доля работников с избыточным образованием	
		среди отметивших несоответствие	в общей численности
Высшее образование: бакалавриат, специалитет, магистратура	33,9	65,1	22,1
Среднее профессиональное образование: – по программам подготовки специалистов среднего звена – по программам подготовки квалифицированных рабочих	48,2	73,7	35,5
	52,4	23,3	12,2

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы Росстата, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (vesa_ob).

Таблица 8. Масштабы экстремального недоиспользования образования среди сельских жителей в 2018 г., %

Table 8. The scale of the extreme overeducation among rural employees in 2018, in percents

Уровень образования	Доля работников, отметивших несоответствие работы полученной профессии	Доля работников с экстремальным недоиспользованием образования	
		среди отметивших несоответствие	в общей численности
Высшее образование: бакалавриат, специалитет, магистратура	33,9	5,3	1,8
Среднее профессиональное образование: – по программам подготовки специалистов среднего звена – по программам подготовки квалифицированных рабочих	48,2	14,0	6,7
	52,4	23,3	12,2

Примечание: рассчитано авторами на основе микроданных Обследования рабочей силы Росстата, все расчеты проведены с учетом годовых весовых коэффициентов (vesa_ob).

населения может иметь положительные социальные последствия даже при отсутствии на рынке труда соответствующих рабочих мест. Он приводит к снижению уровня преступности [43; 44], более активному использованию прак-

тик здорового образа жизни [45], высокой вовлеченности в волонтерскую деятельность [46]. Образованные работники способствуют передаче знаний коллегам по работе, что в итоге имеет положительные последствия [47].

Указанные положительные эффекты подчеркивают, что государственная политика не должна ограничивать возможности сельских жителей в получении профессионального образования, а должна быть направлена на создание рабочих мест, где востребованы навыки и умения высококвалифицированных работников.

5. Выводы

В последнем десятилетии тенденция повышения образовательного уровня сельского населения России продолжилась. При этом современный тренд характеризуется тем, что если в городе данный рост обеспечен исключительно повышением доли специалистов с высшим образованием, то на селе растет доля работников как с высшим, так и средним профессиональным образованием.

Масштабы недоиспользования образования в сельской местности более значительны, чем в городе для всех уровней образования. Масштабы несоответствия образовательного уровня для специалистов высшего и среднего звена увеличились, а для квалифицированных рабочих – снизились, но остаются весьма значительными.

Анализ должностей работников, не использующих в полной мере свой образовательный потенциал, свидетельствует о том, что навыки специалистов не в полной мере востребованы на сельском рынке труда. Например, специалисты с высшим и средним специальным экономическим образованием чаще работают продавцами; с высшим юридическим образованием – работниками в сфере охраны граждан и собственности; со средним специальным образованием в области техники и технологии наземного транспорта – операторами и водителями.

Таким образом, село в России тянется за городом в части популярности профессионального образования. Поскольку на сельском рынке труда очевиден переизбыток работников с недоиспользованным образованием, это, с одной стороны, приводит к недоиспользованию образования, а с другой – к оттоку населения в городскую местность, где на текущий момент больше возможностей для поиска работы. Вместе с тем рост образовательного уровня сельского населения может иметь положительные социальные последствия. Изучение возможных последствий представляется перспективной темой для дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Тихонова Т., Шук О. Альтернативная занятость в сельской местности России. М.: ИЭПП, 2008. 224 с.
2. Калугина З. И. Ресурсный дефицит развития человеческого потенциала как угроза модернизации // Регион: экономика и социология. 2011. № 1. С. 50–70.
3. Вегрен С., Никулин А. Аграрные амбиции России и ее скромный сельский человеческий капитал // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 7–35.
4. Варшавская Е. Я. Квалифицированные работники на сельском рынке труда: предложение и спрос // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 3. С. 25–42.
5. Nordin M., Persson I., Rooth D.-O. Education–occupation mismatch: Is there an income penalty? // Economics of Education Review. 2010. Vol. 29, No. 6. Pp. 1047–1059. DOI: 10.1016/j.econedurev.2010.05.005.
6. Verdugo R. R., Verdugo N. T. The impact of surplus schooling on earnings: Some additional findings // Journal of Human Resources. 1989. Vol. 24, No. 4. Pp. 629–643. DOI: 10.2307/145998.

7. *Chevalier A.* Measuring over-education // *Economica*. 2003. Vol. 70. Pp. 509–531. DOI: 10.1111/1468–0335.t01-1-00296.
8. *Hartog J.* Over-education and earnings: where are we, where should we go? // *Economics of Education Review*. 2000. Vol. 19, No. 2. Pp. 131–147. DOI: 10.1016/S0272–7757 (99) 00050-3.
9. *McGuinness S., Pouliakas K., Redmond P.* Skill mismatch: concepts, measurement and policy approaches // *Journal of Economic Surveys*. 2018. Vol. 32, No. 4. Pp. 985–1015. DOI: 10.1111/joes.12254.
10. *Groot W., van den Brink H.M.* Overeducation in the labor market: A meta-analysis // *Economics of Education Review*. 2000. Vol. 19, No. 2. Pp. 149–158. DOI: 10.1016/S0272–7757 (99) 00057-6.
11. *Hung C-Y.* Overeducation and undereducation in Taiwan // *Journal of Asian Economics*. 2008. Vol. 19, No. 2. Pp. 125–137. DOI: 10.1016/j.asieco.2008.02.001.
12. *Wu N., Wang Q.* Wage penalty of overeducation: New micro-evidence from China // *China Economic Review*. 2018. Vol. 50. Pp. 206–217. DOI: 10.1016/j.chieco.2018.04.006.
13. *Daly M., Buchel F., Duncan G.* Premiums and penalties for surplus and deficit education: evidence from the United States and Germany // *Economics of Education Review*. 2000. Vol. 19, No. 2. Pp. 169–178. DOI: 10.1016/S0272–7757 (99) 00041-2.
14. *Tsai Y.* Returns to overeducation: A longitudinal analysis of the U.S. labor market // *Economics of Education Review*. 2010. Vol. 29, No. 4. Pp. 606–617. DOI: 10.1016/j.econedurev.2010.01.001.
15. *Clark B., Joubert C., Maurel A.* The career prospects of overeducated Americans // *IZA Journal of Labor Economics*. 2017. Vol. 6, No. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40172-017-0053-4>. DOI: 10.1186/s40172-017-0053-4.
16. *Vahey S.P.* The great Canadian training robbery: evidence on the returns to educational mismatch // *Economics of Education Review*. 2000. Vol. 19, No. 2. Pp. 219–227. DOI: 10.1016/S0272–7757 (98) 00029-6.
17. *Chevalier A., Lindley J.* Overeducation and the skills of UK graduates // *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. 2009. Vol. 172, Part 2. Pp. 307–337. DOI: 10.1111/j.1467–985X.2008.00578.x.
18. *Obiols-Homs F., Sanchez-Marcos V.* Education outcomes and the labor market // *Labour Economics*. 2018. Vol. 54. Pp. 14–28. DOI: 10.1016/j.labeco.2018.06.001.
19. *Kupets O.* Education-job mismatch in Ukraine: Too many people with tertiary education or too many jobs for low-skilled? // *Journal of Comparative Economics*. 2016. Vol. 44, No. 1. Pp. 125–147. DOI: 10.1016/j.jce.2015.10.005.
20. *Pearlman S., Rubb S.* The impact of education-occupation mismatches on wages in Mexico // *Applied Economics Letters*. 2020. Vol. 27, No. 9. Pp. 744–747. DOI: 10.1080/13504851.2019.1644438.
21. *Kucel A., Molina I.F., Raya J.M.* Over-education and its opportunity cost in Japan // *Asia Pacific Education Review*. 2016. Vol. 17, No. 2. Pp. 299–312. DOI: 10.1007/s12564-016-9427-8.
22. *Kelly E., O'Connell P.J., Smyth E.* The economic returns to field of study and competencies among higher education graduates in Ireland // *Economics of Education Review*. 2010. Vol. 29, No. 4. Pp. 650–657. DOI: 10.1016/j.econedurev.2009.11.001.
23. *Green F., McIntosh S.* Is there a genuine underutilization of skills amongst the over-qualified? // *Applied Economics*. 2007. Vol. 39, No. 4. Pp. 427–439. DOI: 10.1080/00036840500427700.
24. *Rossen A., Boll C., Wolf A.* Patterns of Overeducation in Europe: The Role of Field of Study // *IZA Journal of Labor Policy*. 2019. Vol. 9, No. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://content.sciendo.com/view/journals/izajolp/9/1/article-20190003.xml>. DOI: 10.2478/izajolp-2019–0003.
25. *Robst J.* Education and job match: The relatedness of college major and work // *Economics of Education Review*. 2007. Vol. 26, No. 4. Pp. 397–407. DOI: 10.1016/j.econedurev.2006.08.003.

26. *Carroll D., Tani M.* Over-education of recent higher education graduates: New Australian panel evidence // *Economics of Education Review*. 2013. Vol. 32. Pp. 207–218. DOI: 10.1016/j.econedurev.2012.10.002.
27. *Verhaest D., Van der Velden R.* Cross-country Differences in Graduate Overeducation // *European Sociological Review*. 2013. Vol. 29, No. 3. Pp. 642–653. DOI: 10.1093/esr/jcs044.
28. *Bernard J.* Rural quality of life – poverty, satisfaction and opportunity deprivation in different types of rural territories // *European Countryside*. 2018. Vol. 10, No. 2. Pp. 191–209. DOI: 10.2478/euco-2018–0012.
29. *Rerat P.* Highly qualified rural youth: why do young graduates return to their home region? // *Children’s Geographies*. 2014. Vol. 12, No. 1. Pp. 70–86. DOI: 10.1080/14733285.2013.850849.
30. *Park J.* Overqualification Among Aboriginal Workers in Canada // *The International Indigenous Policy Journal*. 2018. Vol. 9, No. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ir.lib.uwo.ca/iipj/vol9/iss1/2> DOI: 10.18584/iipj.2018.9.1.2.
31. *Buchel F., Battu H.* The theory of differential overqualification: does it work? // *Scottish Journal of Political Economy*. 2003. Vol. 50, No. 1. Pp. 1–16. DOI: 10.1111/1467–9485.00251.
32. *Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л.* Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? // *Российский работник: образование, профессия, квалификация*. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 240–292.
33. *Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Карабчук Т. С., Рыжикова З. А., Биляк Т. А.* Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2009. Т. 13, № 2. С. 172–216.
34. *Капелюшников Р.* Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? Часть II // *Вопросы экономики*. 2012. № 3. С. 120–147. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-3-120-147.
35. *Кюи Н. Е.* Образование, выбор категории профессиональной занятости и заработная плата в России // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2008. Т. 12, № 3. С. 365–399.
36. *Vasiakina M., Robone S.* Education-job mismatch as a determinant of health: Evidence from the Russian Federation // *Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica*. 2018. Vol. 72, No. 4. Pp. 101–112.
37. *Варшавская Е. Я.* Российские работники с высшим образованием: анализ образовательных специальностей // *Вопросы статистики*. 2016. № 9. С. 65–74.
38. *Варшавская Е. Я., Котырло Е. С.* Выпускники инженерно-технических и экономических специальностей: между спросом и предложением // *Вопросы образования*. 2019. № 2. С. 98–128. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-98-128.
39. *Стукен Т. Ю.* Качество занятости выпускников на региональных рынках труда // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 33–39. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-33-39.
40. *Акатьев Ю. В., Лысак И. А.* Современный аграрный труд и отношение к нему // *Социологические исследования*. 1997. № 8. С. 69–70.
41. *Herrera J., Merceron S.* Underemployment and Job Mismatch in Sub-Saharan Africa // *Urban Labor Markets in Sub-Saharan Africa* / Edited by F. Roubaud, P. de Vreyer. Washington DC: The World Bank, 2013. Pp. 83–107.
42. *Лицук Е. Н., Капелюк С. Д., Чистякова О. А.* О востребованности бухгалтеров на сельском рынке труда: реалии, причины, последствия // *Вестник НГИЭИ*. 2020. № 6. С. 88–100.
43. *Machin S., Marie O., Vujic S.* The Crime Reducing Effect of Education // *The Economic Journal*. 2011. Vol. 121, No. 552. Pp. 463–484. DOI: 10.1111/j.1468–0297.2011.02430.x.
44. *Hjalmarsson R., Holmlund H., Lindquist M. J.* The Effect of Education on Criminal Convictions and Incarceration: Causal Evidence from Micro-data // *The Economic Journal*. 2015. Vol. 125, No. 587. Pp. 1290–1326. DOI: 10.1111/eoj.12204.

45. *Cowell A. J.* The relationship between education and health behavior: some empirical evidence // *Health Economics*. 2006. Vol. 15, No. 2. Pp. 125–146. DOI: 10.1002/hec.1019.
46. *Dee T. S.* Are there civic returns to education? // *Journal of Public Economics*. 2004. Vol. 88, No. 9–10. Pp. 1697–1720. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2003.11.002.
47. *Martins P. S., Jin J. Y.* Firm-level social returns to education // *Journal of Population Economics*. 2010. Vol. 23. Pp. 539–558. DOI: 10.1007/s00148-008-0204-9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Капелюк Сергей Дмитриевич

Кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной экономики Сибирского университета потребительской кооперации, г. Новосибирск, Россия (630087, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, 26); ORCID 0000-0002-4175-8227; e-mail: skapelyuk@bk.ru.

Лищук Елена Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе Сибирского университета потребительской кооперации, г. Новосибирск, Россия (630087, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, 26); ORCID 0000-0002-0188-5993; e-mail: pscience@sibupk.nsk.su.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-410-540003 «Сельский рынок труда в Новосибирской области: современное состояние и проблемы развития».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Капелюк С. Д., Лищук Е. Н. Масштабы несоответствия образовательного уровня работников сельскому рынку труда // *Journal of Applied Economic Research*. 2020. Т. 19, № 3. С. 370–397. DOI: 10.15826/vestnik.2020.19.3.018.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Дата поступления 20 мая 2020 г.; дата поступления после рецензирования 15 июля 2020 г.; дата принятия к печати 3 сентября 2020 г.

The Scale of Overeducation in the Rural Labor Market

S. D. Kapelyuk , E. N. Lishchuk

Siberian University of Consumer Cooperation,

Novosibirsk, Russia

skapelyuk@bk.ru

Abstract. This article examines the problem of job-education mismatch among rural workers. The goal of the article is to assess the incidence of overeducation in rural areas and to identify the most typical jobs of overeducated employees. The hypothesis of the research is that the skills of specialists are not fully utilized in the rural labor market. The study uses the microdata of Rosstat's Labor Force Survey 2012–2018. To identify a mismatch, we use the subjective estimates of the respondents about the quality of their match. To determine overeducation, we suggest a composite approach that combines self-assessment of the respondents and a job analysis using the Russian National Classification of Occupations. The analysis is carried out by educational levels. The study reveals that among the rural population, there is an increase in the share of employees with both higher and secondary vocational education degrees. It is revealed that the extent of such a discrepancy among the rural population of Russia is much larger compared to urban residents. For a detailed analysis, the authors use data on the current jobs of the respondents. It has been established that the extent and type of discrepancy, as well as the current job, depend on the field of study. It was also revealed that 65% of mismatch cases for rural workers with higher education and 74% of mismatch cases for rural medium-level specialists are associated with overeducation, i.e. represent a vertical mismatch. Conversely, 77% of cases of the mismatch for skilled workers are horizontal, i.e. they represent a work requiring a similar level of qualification, but a different field of study. The practical significance of the research results is their usefulness for the development of educational policy. In particular, they can be used to determine the list of demanded occupations in the rural labor market, as well as to develop programs of adult education and training for rural inhabitants.

Key words: rural labor market; employment; hiring; human capital; occupation; education-occupation mismatch; undereducation; overeducation.

JEL J43, J24, I26

References

1. Tikhonova, T., Shik, O. (2008). *Alternativnaia zaniatost v selskoi mestnosti Rossii [Employment Alternatives in the Rural Areas of Russia]*. Moscow, IEPP (In Russ.).
2. Kalugina, Z. I. (2011). Resursnyi defitsit razvitiia chelovecheskogo potentsiala kak ugroza modernizatsii (Resource scarcity of the human development considered as a threat of modernization). *Region: ekonomika i sotsiologiya (Region: Economics and Sociology)*, No. 1, 50–70 (In Russ.).
3. Wegren, S., Nikulin, A. (2014). Agrarnye ambitsii Rossii i ee skromnyi selskii chelovecheskii capital (Russia's Agrarian Ambitions and Its Humble Rural Human Capital). *Ekonomicheskaya politika (Economic Policy)*, No. 3, 7–35 (In Russ.).
4. Varshavskaya, E. Ia. (2017). Kvalifitsirovannye rabotniki na sel'skom rynke truda: predlozhenie i spros (Skilled Workers on the Rural Labor Market: Supply vs. Demand). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika (Moscow State University Bulletin. Series Economics)*, No. 3, 25–42 (In Russ.).
5. Nordin, M., Persson, I., Rooth, D.-O. (2010). Education-occupation mismatch: Is there an income penalty? *Economics of Education Review*, Vol. 29, No. 6, 1047–1059. DOI: 10.1016/j.econedurev.2010.05.005.

6. Verdugo, R. R., Verdugo, N. T. (1989). The impact of surplus schooling on earnings: Some additional findings. *Journal of Human Resources*, Vol. 24, No. 4, 629–643. DOI: 10.2307/145998.
7. Chevalier, A. (2003). Measuring over-education. *Economica*, Vol. 70, 509–531. DOI: 10.1111/1468–0335.t01-1-00296.
8. Hartog, J. (2000). Over-education and earnings: where are we, where should we go? *Economics of Education Review*, Vol. 19, No. 2, 131–147. DOI: 10.1016/S0272–7757 (99) 00050-3.
9. McGuinness, S., Pouliakas, K., Redmond, P. (2018). Skill mismatch: concepts, measurement and policy approaches. *Journal of Economic Surveys*, Vol. 32, No. 4, 985–1015. DOI: 10.1111/joes.12254.
10. Groot, W., van den Brink, H.M. (2000). Overeducation in the labor market: A meta-analysis. *Economics of Education Review*, Vol. 19, No. 2, 149–158. DOI: 10.1016/S0272–7757 (99) 00057-6.
11. Hung, C-Y. (2008). Overeducation and undereducation in Taiwan. *Journal of Asian Economics*, Vol. 19, No. 2, 125–137. DOI: 10.1016/j.asieco.2008.02.001.
12. Wu, N., Wang, Q. (2018). Wage penalty of overeducation: New micro-evidence from China. *China Economic Review*, Vol. 50, 206–217. DOI: 10.1016/j.chieco.2018.04.006.
13. Daly, M., Buchel, F., Duncan, G. (2000). Premiums and penalties for surplus and deficit education: evidence from the United States and Germany. *Economics of Education Review*, Vol. 19, No. 2, 169–178. DOI: 10.1016/S0272–7757 (99) 00041-2.
14. Tsai, Y. (2010). Returns to overeducation: A longitudinal analysis of the U.S. labor market. *Economics of Education Review*, Vol. 29, No. 4, 606–617. DOI: 10.1016/j.econedurev.2010.01.001.
15. Clark, B., Joubert, C., Maurel, A. (2017). The career prospects of overeducated Americans. *IZA Journal of Labor Economics*, Vol. 6, No. 3. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40172-017-0053-4>. DOI: 10.1186/s40172-017-0053-4.
16. Vahey, S.P. (2000). The great Canadian training robbery: evidence on the returns to educational mismatch. *Economics of Education Review*, Vol. 19, No. 2, 219–227. DOI: 10.1016/S0272–7757 (98) 00029-6.
17. Chevalier, A., Lindley, J. (2009). Overeducation and the skills of UK graduates. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*, Vol. 172, Part 2, 307–337. DOI: 10.1111/j.1467–985X.2008.00578.x.
18. Obiols-Homs, F., Sanchez-Marcos, V. (2018). Education outcomes and the labor market. *Labour Economics*, Vol. 54, 14–28. DOI: 10.1016/j.labeco.2018.06.001.
19. Kupets, O. (2016). Education-job mismatch in Ukraine: Too many people with tertiary education or too many jobs for low-skilled? *Journal of Comparative Economics*, Vol. 44, No. 1, 125–147. DOI: 10.1016/j.jce.2015.10.005.
20. Pearlman, S., Rubb, S. (2020). The impact of education-occupation mismatches on wages in Mexico. *Applied Economics Letters*, Vol. 27, No. 9, 744–747. DOI: 10.1080/13504851.2019.1644438.
21. Kucel, A., Molina, I.F., Raya, J.M. (2016). Over-education and its opportunity cost in Japan. *Asia Pacific Education Review*, Vol. 17, No. 2, 299–312. DOI: 10.1007/s12564-016-9427-8.
22. Kelly, E., O’Connell, P.J., Smyth, E. (2010). The economic returns to field of study and competencies among higher education graduates in Ireland. *Economics of Education Review*, Vol. 29, No. 4, 650–657. DOI: 10.1016/j.econedurev.2009.11.001.
23. Green, F., McIntosh, S. (2007). Is there a genuine underutilization of skills amongst the over-qualified? *Applied Economics*, Vol. 39, No. 4, 427–439. DOI: 10.1080/00036840500427700.
24. Rossen, A., Boll, C., Wolf, A. (2019). Patterns of Overeducation in Europe: The Role of Field of Study. *IZA Journal of Labor Policy*, Vol. 9, No. 3. Available at: <https://content.sciendo.com/view/journals/izajolp/9/1/article-20190003.xml>. DOI: 10.2478/izajolp-2019–0003.
25. Robst, J. (2007). Education and job match: The relatedness of college major and work. *Economics of Education Review*, Vol. 26, No. 4, 397–407. DOI: 10.1016/j.econedurev.2006.08.003.
26. Carroll, D., Tani, M. (2013). Over-education of recent higher education graduates: New Australian panel evidence. *Economics of Education Review*, Vol. 32, 207–218. DOI: 10.1016/j.econedurev.2012.10.002.

27. Verhaest, D., Van der Velden, R. (2013). Cross-country Differences in Graduate Overeducation. *European Sociological Review*, Vol. 29, No. 3, 642–653. DOI: 10.1093/esr/jcs044.
28. Bernard, J. (2018). Rural quality of life – poverty, satisfaction and opportunity deprivation in different types of rural territories. *European Countryside*, Vol. 10, No. 2, 191–209. DOI: 10.2478/euco-2018-0012.
29. Rerat, P. (2014). Highly qualified rural youth: why do young graduates return to their home region? *Children's Geographies*, Vol. 12, No. 1, 70–86. DOI: 10.1080/14733285.2013.850849.
30. Park, J. (2018). Overqualification Among Aboriginal Workers in Canada. *The International Indigenous Policy Journal*, Vol. 9, No. 1. Available at: <https://ir.lib.uwo.ca/iipj/vol9/iss1/2> DOI: 10.18584/iipj.2018.9.1.2.
31. Buchel, F., Battu, H. (2003). The theory of differential overqualification: does it work? *Scottish Journal of Political Economy*, Vol. 50, No. 1, 1–16. DOI: 10.1111/1467-9485.00251.
32. Gimpelson, V. E., Kapelyushnikov, R. I., Lukyanova, A. L. (2011). Uroven obrazovaniia rossiiskikh rabotnikov: optimalnyi, izbytochnyi, nedostatochnyi? [Education level of Russian workers: Education-Job Match, Overeducation, Undereducation]. *Rossiiskii rabotnik: obrazovanie, professiia, kvalifikatsiia [The Russian Worker: Education, Profession, Qualification]*. Moscow, HSE, 240–292 (In Russ.).
33. Gimpelson, V. E., Kapeliushnikov, R. I., Karabchuk, T. S., Ryzhikova, Z. A., Bilyak, T. A. (2009). Vybor professii: chemu uchilis' i gde prigodilis'? [Career choice: Putting degree to good use]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Higher School of Economics Economic Journal]*, Vol. 13, No. 2, 172–216 (In Russ.).
34. Kapelyushnikov, R. (2012). Spros i predlozhenie vysokokvalifitsirovannoi rabochei sily v Rossii: kto bezhal bystree? Chast' II (Demand and Supply of Skilled Labor in Russia: Who Ran Faster? Part II). *Voprosy ekonomiki*, No. 3, 120–147 (In Russ.).
35. Kyui, N. E. (2008). Obrazovanie, vybor kategorii professional'noi zaniatosti i zarabotnaia plata v Rossii (Return to Education with Endogenous Occupational Choice: Empirical Analysis for the Russian Federation). *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Higher School of Economics Economic Journal]*, Vol. 12, No. 3, 365–399 (In Russ.).
36. Vasiakina, M., Robone, S. (2018). Education-job mismatch as a determinant of health: Evidence from the Russian Federation. *Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica*, Vol. 72, No. 4, 101–112 (In Russ.).
37. Varshavskaya, E. Ia. (2016). Rossiiskie rabotniki s vysshim obrazovaniem: analiz obrazovatelnykh spetsialnostei (Russian employees with higher education: analysis of areas of study). *Voprosy statistiki*, No. 9, 65–74 (In Russ.).
38. Varshavskaya, E. Ya., Kotyrlo, E. S. (2019) Vypuskniki inzhenerno-tekhnicheskikh i ekonomicheskikh spetsial'nostei: mezhdru sprosom i predlozheniem (Engineering and Economics Graduates: Between Demand and Supply). *Voprosy obrazovaniia (Educational Studies)*, No. 2, 98–128 (In Russ.).
39. Stuken, T. Iu. (2018). Kachestvo zaniatosti vypusknikov na regionalnykh rynkakh truda (The quality of employment of graduates on regional labour markets). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki (Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences)*, No. 2, 33–39 (In Russ.).
40. Akatyev, Iu. V., Lysak, I. A. (1997). Sovremennyi agrarnyi trud i otnoshenie k nemu [Contemporary Agrarian Labor and Attitudes to It]. *Sotsiologicheskie issledovaniia (Sociological Studies)*, No. 8, 69–70 (In Russ.).
41. Herrera, J., Merceron, S. (2013). Underemployment and Job Mismatch in Sub-Saharan Africa. *Urban Labor Markets in Sub-Saharan Africa*. Edited by F. Roubaud, P. de Vreyer. Washington DC, The World Bank, 83–107.
42. Lishchuk, E. N., Kapelyuk, S. D., Chistyakova, O. A. (2020). O vostrebovanosti bukhgalterov na selskom rynke truda: realii, prichiny, posledstviia (On the demand for accoun-

tants in the rural labor market: Evidence, causes and consequences). *Bulletin NGIEI*, No. 6, 88–100 (In Russ.).

43. Machin, S., Marie, O., Vujic, S. (2011). The Crime Reducing Effect of Education. *The Economic Journal*, Vol. 121, No. 552, 463–484. DOI: 10.1111/j.1468–0297.2011.02430.x.

44. Hjalmarsson, R., Holmlund, H., Lindquist, M.J. (2015). The Effect of Education on Criminal Convictions and Incarceration: Causal Evidence from Micro-data. *The Economic Journal*, Vol. 125, No. 587, 1290–1326. DOI: 10.1111/eoj.12204.

45. Cowell, A.J. (2006). The relationship between education and health behavior: some empirical evidence. *Health Economics*, Vol. 15, No. 2, 125–146. DOI: 10.1002/hec.1019.

46. Dee, T.S. (2004). Are there civic returns to education? *Journal of Public Economics*, Vol. 88, No. 9–10, 1697–1720. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2003.11.002.

47. Martins, P.S., Jin, J.Y. (2010). Firm-level social returns to education. *Journal of Population Economics*, Vol. 23, 539–558. DOI: 10.1007/s00148-008-0204-9.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kapelyuk Sergey Dmitrievich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Economics, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia (630087, Novosibirsk, Prospekt Karla Marksa, 26); ORCID 0000-0002-4175-8227; e-mail: skapelyuk@bk.ru.

Lishchuk Elena Nikolaevna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-rector for Academic Research, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia (630087, Novosibirsk, Prospekt Karla Marksa, 26); ORCID 0000-0002-0188-5993; e-mail: pscience@sibupk.nsk.su.

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR and the Government of the Novosibirsk Oblast, project number 19-410-540003 «Rural labor market in Novosibirsk Oblast: modern situation and problems of development».

FOR CITATION

Kapelyuk S.D., Lishchuk E.N. The Scale of Overeducation in the Rural Labor Market. *Journal of Applied Economic Research*, 2020, Vol. 19, No. 3, 370–397. DOI: 10.15826/vestnik.2020.19.3.018.

ARTICLE INFO

Received May 20, 2020; Revised July 15, 2020; Accepted September 3, 2020.

